УДК 355.415(09)"1810/1816"

Вещиков П.И.

Военное хозяйство Русской армии в Отечественной войне 1812 года

Вещиков Пётр Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ

E-mail: veschikov27@mail.ru

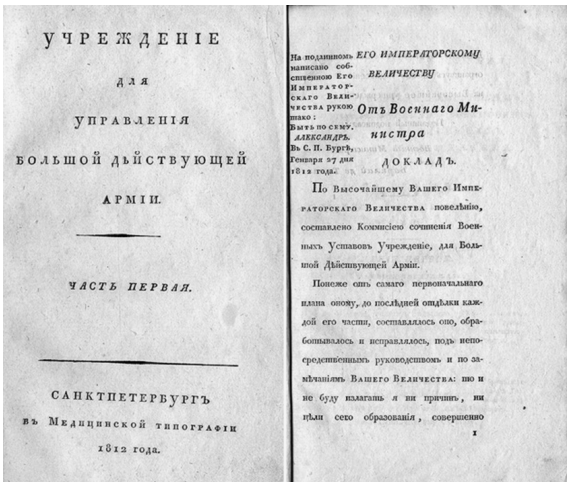
Статья представляет собой обзор общего состояния материально-технического и медицинского обеспечения Русской армии и основных аспектов организации ее центральных военно-хозяйственных органов в период 1810–1816 гг. Дан анализ таких основополагающих документов, составляющих нормативную правовую основу полевого управления войсками, как «Учреждение для управления большой действующей армией» (1812) и «Положение об управлении военного департамента» (1815).

Ключевые слова: военно-хозяйственные органы Русской армии, полевое управление войск, обоз, продовольственные запасы, заготовка продовольствия, медицинское обеспечение, Бородинское сражение.

Возникновение капиталистического способа производства, а с ним и увеличившиеся производственные возможности промышленности и рост продукции сельского хозяйства позволили содержать невиданные до того времени по численности армии.

К началу войны 1812 г. Наполеону, завоевавшему и подчинившему себе почти всю Европу, удалось создать армию в 1,2 млн. человек, половина которой была направлена против России. Русская армия и флот к началу Отечественной войны 1812 г. насчитывали 480 тыс. человек. Кроме того, предполагался призыв земского ополчения численностью около 300 тыс. человек. Полумиллионную армию крепостнической России для того времени следует считать большой[1].

Назревшая в начале XIX в. потребность в коренной реформе центральных военно-хозяйственных органов Русской армии была разрешена в ходе преобразований Военной коллегии Военного министерства. Комиссариатская и провиантская экспедиции стали самостоятельными отделами Военного министерства. В 1812 г. экспедиции получили наименование департаментов. Управление каждым департаментом возлагалось на его директора. Директору провиантского департамента присваивалось воинское звание генерал-провиантмейстера, директору комиссариатского департамента генерал-кригс-комиссара.

УЧРЕЖДЕНІЕ

ДЛЯ

УПРАВЛЕНІЯ

БОЛЬШОЙ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ

АРМІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ Медицинской типографіи

1812 года.

На подлинномъ написано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Быть по сему. АЛЕКСАНДРЪ. Въ С. П. Бургѣ, Генваря 27 дня 1812 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Отъ Военнаго Министра

ДОКЛАДЪ.

По Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, составлено Коммисіею сочиненія Военныхъ Уставовъ Учрежденіе, для Большой Дѣйствующей Арміи.

Понеже сіе самаго первоначальнаго плана основу, до послѣдней отдѣлки каждой его части, составляло оно, обрабатывалось и исправлялось, подъ непосредственнымъ руководствомъ и по замѣчаніямъ Вашего Величества: то и не буду излагать я ни причинъ, ни цѣли сего образованія, совершенно

«Учреждение для управления большой действующей армией». Титульный лист и разворот

Департамент комиссариатский состоял из пяти отделений, в каждом отделении создавалось три стола. Департамент провиантский подразделялся на четыре отделения, в которых также предусматривалось определенное количество столов. Определялись функциональные обязанности департаментов, отделений, столов, их взаимодействие, а также численность каждого подразделения. [2]

27 января 1812 г. было утверждено новое положение о полевом управлении войск под названием «Учреждение для управления большой действующей армией»[3], которое было разработано с учетом опыта, приобретенного в войнах конца XVIII – начала XIX вв. и кроме вопросов собственно управления войсками содержало основы руководства силами и средствами материального и медицинского обеспечения.

В частности, в «Учреждении» определялись основные

[1] История тыла и снабжения Русской армии. Калинин, 1955. С. 98

[2] Столетие Военного министерства. 1802–1903. Главное интендантское управление. СПб., 1903. С. 377; 379–385.

[3] Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). Т. XXXII. № 24975.

положения полевого интендантского управления:

– губернии и области империи, в которых расположена действующая армия, при объявлении у них военного положения, «по всем частям снабжения армии» подчиняются генерал-интенданту;

– по выступлению армии за границу, генерал-интендант армии учреждает земское правительство и делается генерал-губернатором областей армиею занимаемых;

– генерал-интендант обязан снабжать армию всеми предметами провиантского и фуражного довольствия преимущественно на счет средств страны, извлекаемых военными требованиями, а при истощении сих средств, подвозом из империи. Покупки же и подряды допускаются только как исключение.

Главнокомандующему и штабу полевой армии предоставлялась большая, чем раньше, самостоятельность в решении вопросов снабжения войск в соответствии с планом войны и сложившейся обстановкой. Ассигнованные на войну материальные и денежные средства, а также местные ресурсы, передавались в полное распоряжение Главнокомандующего армией, что позволяло творчески решать все вопросы на месте. Однако с центральных органов снабжения ответственность за обеспечение действующей армии не снималась. Такое положение явилось более прогрессивным для того периода времени.

На штаб армии возлагалась обязанность управления органами снабжения. С участием начальников артиллерии, инженерной службы и генерал-интенданта, штаб разрабатывал планы по обеспечению войск вооружением, боеприпасами, инженерным имуществом и денежным содержанием военнослужащих. Через дежурного генерала и генерал-вагенмейстера[1] осуществлялась организация подвоза снабженческих грузов, оборудования, а через директора военных сообщений – подготовка и содержание дорог. Штаб планировал и осуществлял руководство медицинским обеспечением войск, а также размещением и перемещением магазинов, артиллерийских и инженерных парков.

Согласно «Учреждению», генерал-интендант обязывался иметь «непрестанные сношения» с начальником главного штаба армии, он имел право предоставлять главнокомандующему «в случае затруднений в продовольствии» свои соображения. При этом генерал-интенданту предоставлялось право быть посвященным «в тайны всех военных предположений». Наконец, при передвижении войск, «в видах продовольственных» планы операции должны были составляться при непосредственном участии генерал-интенданта армии.

Размещение сил и средств действующей армии планировалось в условиях генерального сражения, длительность которого исчислялась 1–2 сутками. Оно обычно обеспечивалось расходованием носимых и возимых запасов материальных средств при воинских частях.

В «Учреждении» подробно определялось действие полевого провиантского управления, его состав, взаимодействие с другими управлениями, порядок назначения фондов и реализация планов по заготовке продфуража. Впервые подобным документом было определено, что управление «устанавливает нормы некоторых видов довольствия в военное время».

Полевое комиссариатское управление обязывалось обеспечивать войска мундирными, амуничными вещами и обувью, а также конским снаряжением и обозом. Снабжение госпиталей предметами вещевого довольствия занимало особую «озабоченность» и вело учет обеспеченности каждого госпиталя в отдельности.

Права полевых генерал-кригс-комиссаров и генерал-провиантмейстеров соответствовали правам аналогичных должностей Военного министерства.

Продовольствие войск с «переходом границы» осуществлялось «по положению мирного времени». Мясная (0,5 фунта) и винная (1/80 ведра) порция выдавалась строевым три раза в неделю, а нестроевым – два.

Главнокомандующему «для сбережения или ободрения войск» предоставлялось право разрешать выдачу продовольствия по норме на военное время до перехода границы, когда войска находились еще в районе сосредоточения, а также увеличивать число мясных и винных порций в неделю.

Обеспечение нижних чинов вещевым имуществом осуществлялось по нормам мирного времени.

Обоз при армии подразделялся на легкий и тяжелый. Легкий следовал за передовыми соединениями, а тяжелый перемещал армейские склады, находясь за оперативным построением войск армии.

Особое место в «Учреждении» занимало уголовное уложение, где определялось:

– всякое излишнее требование считается кражею;

– кража, когда она доказана, наказывается возвращением втрое украденного и изгнанием из армии;

– расточение армейских сумм вообще наказывается их возвращением и разжалованием в солдаты на десять лет;

– интендантские, комиссариатские и провиантские чины за продажу продовольствия, заготовленного для армии, подвергаются разжалованью в солдаты без выслуги;

– обмер и обвес наказывается возвращением недомеренного втрое и ссылкой в Сибирь;

– за прием испорченного мяса или за употребление больной скотины виновные в том подлежат разжалованию в солдаты на десять лет;

– доказанное лихоимство наказывается лишением всех чинов и изгнании из армии[2].

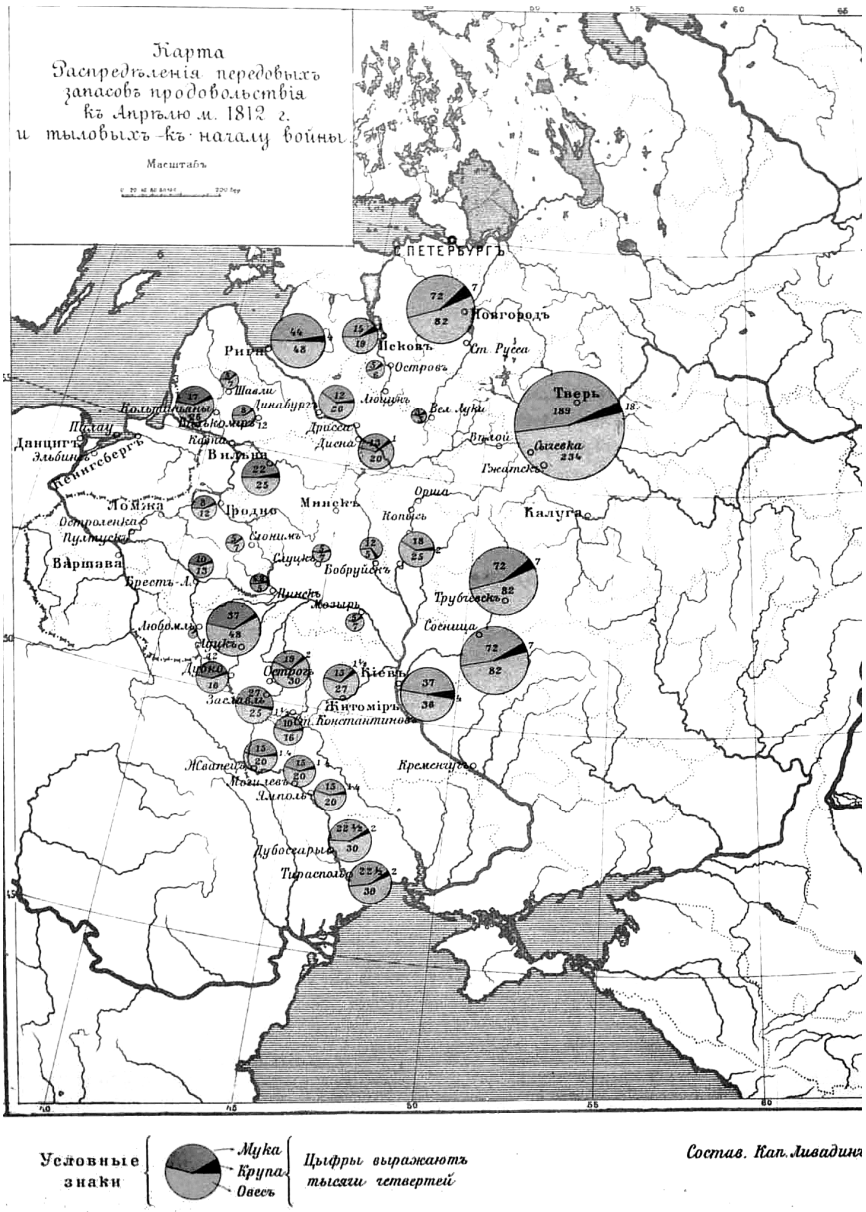
Так полевому интендантству впервые была придана «известная более или менее законченная организация».

Современники этого столь нужного документа по вопросам материального обеспечения войск назвали его «крайне ценным положением». Так, генерал-интендант Русской армии в 1812–1814 гг. Е.Ф. Канкрин писал: «Неоспоримо, что продовольствие наших войск и, наконец, все дела управления в армии в означенные войны при-

[1] Генерал-вагенмейстер (от нем. Wagen – повозка и Meister – мастер, специалист). должность и звание в 1716–1864 гг., начальник обозов армии. Должность учреждена Петром I в Данциге в 1716 г., «чтобы при походе войска конфузии не происходило». Генерал-вагенмейстер имел ранг подполковника (VII кл. «Табели о рангах» 1722 г.) и числился чаще всего по артиллерии, был подчинен генерал-квартирмейстеру и соответствовал Учреждению для управления большой действующей армии. Избирался из штаб-офицеров, состоял под началом дежурного генерала и имел при себе двух помощников из обер-офицеров. (Военный энциклопедический словарь М., 2007. С. 110).

[2] История тыла и снабжения Русской армии... С. 103–110.

няли у нас новый совсем оборот. Прежние войны обыкновенно оканчивались с ужасными издержками, с величайшими претензиями, с памятью больших жалоб и злоупотреблений, не говоря уже о хлебном счете, который в войне сопряжен всегда с особыми затруднениями, с совершенною по части денег почти безотчетностью, или с отдачею отчета тогда, когда по прошествии времен, он уже и не столь полезен». Отмечая, что причиною улучшения содержания войск является издание «Учреждения…», Канкрин продолжал: «…полезные оного последствия неисчислимы. Данную господам главнокомандующим обширную и вместе определенную власть, недостаток которой в чужих армиях нами часто был замечаем, вместе с тем соединение всех ветвей военного хозяйства в одно управление, дали нашим оборотам такое единство, такую силу, которые часто признаваемы были даже и иностранцами…». Находившийся все время Отечественной войны в чине генерал-майора при главнокомандующем сенатор Безродный, через руки которого проходили и трудами которого производились все важнейшие дела по полевому интендантству, находил правила «Учреждения», касающиеся продовольственных ведомств «совершенно ясными, полными, благоразумными, обдуманными и для службы полезными»[2].

Карта распределения передовых запасов продовольствия к апрелю 1812 г. и тыловых запасов к началу Отечественной войны 1812 г.[1]

Вместе с тем, как отмечали современники, «Учреждение» было не лишено недостатков. Таковыми прежде всего были:

– двойная подчиненность довольствующих органов. Приданные корпусам и дивизиям комиссии и комиссионерства подчиненные строевым начальникам, в то же время были оставлены в подчинении «своему специальному начальству». Такая зависимость исполнителей от двух инстанций могла вызывать недоразумения, столкновения и переписку, потому «была вредною для дела»[3].

– отсутствие в некоторых случаях резкого разграничения круга деятельности отдельных лиц и управлений. Так, дежурный генерал в армии был главным начальником госпиталей, а между тем личный состав чинов хозяйственного разряда госпиталей подчинялся полевому комиссариатскому управлению[4];

– возложение на генерал-интенданта армии обязанностей начальника губерний, объявленных на военном положении, и генерал-губернатора заграничных областей, армией занимавших. (Это нововведение не применялось в Отечественную войну 1812 г. на территории России, а в 1813 и 1814 гг. генерал-губернатором в Саксонии был князь Репнин, малыми губернаторскими владениями управлял барон Штейн[5]).

– отсутствие точного определения прав генерал-интенданта армии по хозяйственной части;

– освобождение корпусных командиров и начальников отдельных частей от обязанностей заботиться о продовольствии вверенных им частей (такое положение повторилось в Красной армии и Военно-Морском флоте в 1924–1935 гг.).

[1] Столетие Военного министерства...
[2] Там же. С. 406.
[3] Институализация отечественных довольствующих органов происходила мучительно и окончательно утвердилась – с некоторым уточнением – только в 1935 г. *(Прим. авт.).*
[4] Редигер А.Ф. Устройство полевого управления в нашей армии // Военный сборник. 1890. № 4. С. 220–224.
[5] Затлер Ф. Записки о продовольствии в военное время. Ч. I. СПб., 1860. С. 8 .

Преемник графа Аракчеева генерал Барклай де Толли, вступая в управление Военным ведомством, был убежден в том, что новая борьба с наполеоновской армией неизбежна. Еще 10 марта 1810 г. он пишет докладную записку императору, в которой излагает план обороны «против наступления с запада», где подробно значились мероприятия по военному хозяйству. Государь Высочайше одобрил план военного министра.

В течение 1810, 1811 гг. и трех месяцев 1812 г. хозяйственные учреждения ведут активную подготовительную работу, и к апрелю 1812 г. запасы продфуража в основном покрывали плановую потребность.

Размещение складов с запасами материальных средств производилось с учетом «избранной оборонительной линии» по Западной Двине и Днепру, а запасные соответственно по трем главным операционным линиям: от Ковно к Двине, от Брест-Литовска к Киеву и от Брест-Литовска к Бобруйску.

Таблица 1

Запасы продфуража и их размещение к апрелю 1812 г.[1]

№ Пп.	Размещение складов	Положено содержать, четвертей			Состояло на лицо, четвертей			Ожидалось поступление, четвертей		
		мука	крупа	овес	мука	крупа	овес	мука	крупа	овес
1	Рига	44036	4056	54056	44036	4056	48051	–	–	600
2	Динабург	24518	2228	32739	11882	903	26421	10402	1244	4060
3	Дрисса	44036	4050	54056	–	–	–	44036	4050	34051
4	Десна	1505	139	766	13051	979	20501	6467	849	810
5	Великие Луки	10000	973	15000	2789	64	4628	7211	873	10372
6	Бобруйск	12759	1196	14019	11809	1196	5294	953	-	8725
7	Рогачев	19518	1828	26688	17798	1658	24743	1719	169	2093
8	Киев	47971	4428	56409	37239	4428	56409	10730	–	–
9	Шавли	4879	457	6682	4879	457	6672	-	-	-
10	Вильно	29277	2742	40032	25276	2364	21588	4001	376	18400
11	Вилькомир	9759	914	13344	8088	696	11844	1671	218	1500
12	Кольтинян	19815	1828	26688	16600	1593	26092	2918	235	596
13	Гродно	9759	914	13344	9759	914	12344	–	–	1000
14	Брест	9759	914	13544	9759	914	13344	–	–	–
15	Слоним	4879	457	6672	4879	457	6672	–	–	–
16	Слуцк	4879	457	6672	4879	457	6672	–	–	–
17	Пинск	4879	457	6672	4879	457	5297	–	–	1375
18	Мозырь	4879	457	6672	4879	457	6672	–	–	–
19	Староконстантинов	10451	979	16369	9646	908	16205	804	70	163
20	Житомир	17154	1600	27697	45456	1440	27697	1697	159	–
21	Заславль	27760	2657	25007	27489	2633	24740	290	24	266
22	Острог	19454	1685	29838	19444	1684	29838	10	1	–
23	Дубно	13451	1261	16369	11679	100	16369	1775	261	–
24	Луцк	13191	3626	49020	37483	3448	48412	1708	177	608
25	Копыс и Любомль	1449	274	2900	–	108	2900	1449	165	715
Итого:		435720	40541	561235	353625	33271	468690	97841	8871	110777

Хлебопекарни и сушильни сухарей создавались в местах размещения главных запасов продовольствия. Причем хлебопекарни строились двух типов: так называемого тавастгустского[2] и обыкновенного русского образца. Расчет был такой, чтобы 20 обычных русских печей при трех топках могли в сутки выпекать суточную потребность хлеба для одной дивизии (тавастгустские 6 печей заменяли по производительности 20 печей русского образца). Контроль за строительством печей и оборудованием складов для хранения продфуража, а также наличие продуктов и их качество был возложен на помощника генерал-провиантмейстера действительного статского советника Е.Ф. Канкрина.

Егор Францевич Канкрин (Георг Людвиг Канкрин, 1774–1845), генерал от инфантерии, министр финансов России (1823–1844)

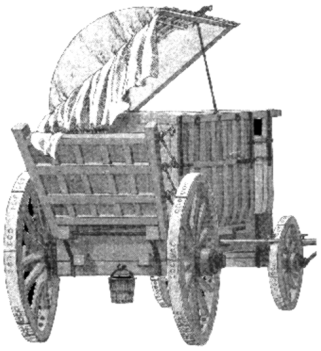
По линии комиссариатского ведомства планировалось заготовить обмундирования, снаряжения и обуви в размере «1/4 комплекта армии». Хранить запасы «указано в Москве и С-Петербурге». Однако денежные средства для этих целей не выделялись: «…расход относить на счет сумм комиссариатской экспедиции, оставшихся от прежних лет».

В итоге к началу войны запасы продфуража, обмундирования и «других вещей» были созданы, хотя и «не без трудностей». Пришлось прибегнуть к заготовке продовольствия «натурой», а сукон «из-за границы». Оказалось, что денежные средства на транспортировку материальных средств не выделялись. Собранный транспорт «от обывателей» нужным образом не был использован, а когда неприятель прорвался вглубь нашей территории, этот транспорт не удалось вывезти из под удара противника, так что он был частично уничтожен, частично достался врагу.

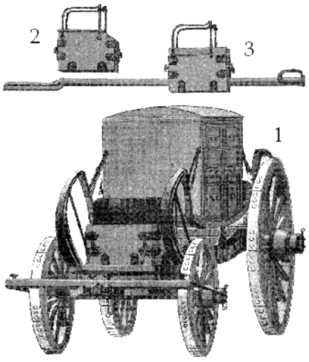
[1] Столетие Военного министерства... С. 415.

[2] От названия города Тавастгус (совр. Хямеэнлинна, или Тавастехус от швед. Tavastehus). *(Прим. ред.).*

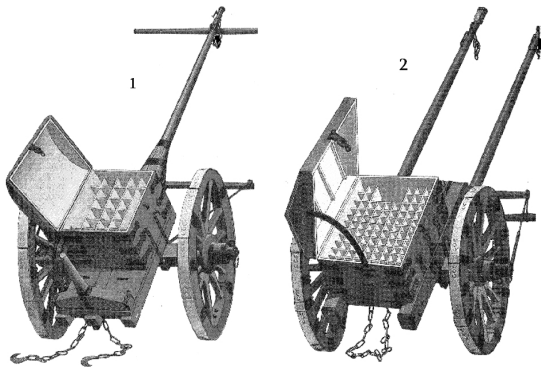
По Высочайшему повелению войска были обязаны «строить обоз для себя», для чего им отпускались денежные средства целевым назначением: на лазаретную линейку 100 руб., казначейскую фуру – 150, провиантскую фуру – 260 руб. 28,5 коп, патронный ящик – 138 руб. 45 коп., в то время как изготовление их, например, в Москве обходилось в 4–5 раз дороже.

Общеармейская фура. В зависимости от назначения фуры имели специальную маркировку (белой краской): боеприпасы, продовольствие, войсковое имущество и т.д.

Фура с аптекарскими ящиками (1). В съемных ящиках размещались лекарства, перевязочный материал; в одном из ящиков находилась кожаная сумка на 10 хирургических инструментов (каждый лекарь имел также карманный набор хирургических инструментов). Кучер сидел на переднем съемном ящике (3). На заднем ящике (2) оставалось место для легкораненого или больного.

Передок артиллерийского орудия (1) и зарядный ящик (2). Орудия легких артиллерийских рот (1/4-пудовый единорог, 6-фунтовая пушка) имели передки с ящиками для снарядов (применялись, когда боевая обстановка требовала открыть огонь с ходу; в каждом ящике находилось зарядов на 20 выстрелов для 6-фунтовой пушки и 12 выстрелов для 1/4-пудового единорога). Боекомплект зарядного ящика вмещал: для 12-фунтовой пушки – 162 выстрела, для 6-фунтовой пушки – 174, для 1/2 и 1/4-пудовых единорогов – 120 выстрелов.

С сайта http://history.scps.ru/table/Rus_Army_1812_4.asp

Михаил Богданович Барклай де Толли (1761–1818)

Таким образом, третью войну с Наполеоном (первая – кампания 1805 г. совместно с Австрией; вторая – война 1806–1807 гг. совместно с Пруссией) Русская армия начала при значительно лучшей подготовке в материальном отношении, нежели в прежние войны. Продовольственные запасы обеспечивали полугодовую потребность, личный состав имел вполне добротное вещевое имущество и каждый имел в ранце запасные новые сапоги. Госпитальная база была расширена, лечебные учреждения укомплектованы всем необходимым для обслуживания раненых и больных, были развернуты запасные артиллерийские и инженерные парки. При этом главная заслуга в подготовке к войне, по мнению современников, принадлежала военному министру генералу М.Б. Барклаю де Толли и его ближайшим сотрудникам по хозяйственной части генерал-провиантмейстеру Н.О. Лабе и генерал-кригс-комиссару А.И. Татищеву.

Война началась без официального объявления, внезапным в ночь на 12 июня 1812 г. переходом главных сил французской армии через р. Неман. Имея значительное численное превосходство на главном – московском – направлении, противник пытался навязать генеральное приграничное сражение. В полосе вторжения на территории России были развернуты:

- 1-я Западная армия генерала М.Б. Барклая де Толли. Всего – 127 тыс. чел., 558 орудий,
- 2-я Западная армия генерала П.И. Багратиона. Всего 48 тыс. чел., 216 орудий,
- 3-я обсервационная (наблюдательная) армия генерала А.П. Тормасова: 43 тыс. чел., 168 орудий.

Русская армия, проявляя упорство и стойкость, в арьергардных боях наносила контрудары врагу и к 3 августа отступила на 600 км вглубь страны. В этот период в войсках проводились необходимые мероприятия по поддержанию боеспособности воинских формирований, сохранении здоровья воинов, внедрялся принцип, высказанный М.В. Ломоносовым: «…несомненно легче настоящее здоровье соблюсти, нежели потерянное возвратить»[1]. Так, приказ П.И. Багратиона предписывал: «Для предварения умножения болезней предписать ротным командирам, дабы наблюдали: 1. Чтобы нижние чины не ложились спать в одежде, а особливо неразувшись. 2. Солому, на подстилку употребляемую, чаще переменять и смотреть за тем, чтобы после больных не подстилали под здоровых. 3. Надзирать, чтобы люди чаще переменяли рубашки, и, где возможно, устроить за селениями бани для избежания пожаров. 4. Как скоро погода теплее, избегая тесноты, размещать людей по сараям. 5. Для питья в артелях иметь квас. 6. Наблюдать, чтобы хлеб был хорошо выпечен. В прочем, я уверен, что все начальники приложат неусыпное старание к сохранению здоровья солдат»[2]. Большое значение питанию воина придавал и известный российский ученый

[1] Цит по: История питания защитника государства Российского. В 5 т. СПб., 2000. Т. 1. С.138.
[2] Корнеев В.М., Михайлова Л.В. Медицинская служба в Отечественную войну 1812 г. Л., 1962. С. 84.

М.Я. Мудров[1]: «…пища и питье солдат должны быть хороши, свежи и обильны, того требуют труды его службы… Ни лезвие мечей, ни жерло пушек не столь ужасны для армии, как недостаток в съестных припасах…»[2].

Надо сказать, что в 1812 г. в рядах русской армии установился отмечавшийся участниками событий небывалый ранее дух взаимного доверия, который исчезнет впоследствии, после возвращения из Парижа. Тогда же, в тяжелую для Отечества годину, казалось, что вся армия от главнокомандующего до солдата в равной мере разделяла ответственность за судьбу России, и потому каждый здесь чувствовал себя «равным среди равных».

В первые месяцы войны обеспечение войск действующей армии осуществлялось за счет имевшихся запасов. Как и предусматривалось «Учреждением», в ходе военных действий органы хозяйственного обеспечения выполняли свои функциональные обязанности автономно. Провиантский и комиссариатский департаменты имели главную задачу обеспечить вновь формируемые резервные части и ополчение.

Мудров Матвей Яковлевич (1776–1831), врач, ординарный профессор патологии и терапии Московского государственного университета, один из основоположников терапии в России, первый отечественный терапевт-гигиенист, указавший на роль условий жизни в возникновении болезней

Наполеон рассчитывал закончить войну с Россией в краткие сроки. Из этого предположения исходило и обеспечение армии всем необходимым, включая продовольствие и фураж. По распоряжению императора французские войска были обеспечены четырехдневным запасом хлеба и двадцатидневным запасом муки и других продуктов; в дальнейшем армия должна была снабжаться путем реквизиций. За «Великой армией» в Россию шли гужтранспортные батальоны, которые поднимали двадцатидневный запас продовольствия[3].

Как необходимое дополнение прочного устройства армии для удовлетворения ее потребностей при ней находились: а) батальоны военного фурштата; б) роты хлебопеков; в) 10 санитарных рот при госпиталях. Французский обоз состоял из 1,5 тыс. сухарных фур, каждая в 4 лошади при двух погонщиках, с трехдневным запасом для одного батальона; кроме того, при войсках находились повозки с однодневным запасом сухарей для одного батальона. Сухарные фуры были слишком тяжелы, и обозы далеко отставали от армии; лучше удовлетворяли назначению легкие одноконные повозки. К 8-ми фурштатским батальонам, двинутым в Россию, было прибавлено 4 батальона одноконных повозок и 5 батальонов воловьих фур. Все 17 батальонов (около 6000 повозок) были достаточны для перевозки двухмесячного провианта на 200-тысячную армию. В кампании 1813 г. обоз состоял преимущественно из легких повозок, потому что тяжелые повозки 1812 г. оказались неудовлетворительными[4].

Однако «Великой армии» не удалось добиться основной стратегической цели – разгромить русскую армию в приграничном генеральном сражении. Война приняла затяжной характер. Уже перед Смоленском в войсках, действовавших на московском направлении, силы французской армии за два с половиной месяца уменьшились вдвое. Постоянный недостаток фуража привел к гибели значительного числа лошадей. Фуражиры, отправлявшиеся в поисках продовольствия и фуража, как правило, попадали в руки партизан. «Мы испытывали столько нужд, столько лишений, мы были так истомлены, Россия показалась нам такой неприступной страной, что термометр чувств, мнений и размышлений очень многих людей надо было искать в их желудке»[5]. Заметим, что зарубежная историография пытается и сегодня доказать, что достаточно было Наполеону уменьшить темпы наступления и согласовать их с возможностями снабжения войск продовольствием, и победа была бы обеспечена.

Между тем и снабжение войск действующей Русской армии продовольствием в целом находилось в крайне тяжелом состоянии. Прибыв к армии 17 августа 1812 г., М.И. Кутузов сообщал графу Н.И. Салтыкову, что весьма встревожен недостатком продовольствия. При отходе армии к Бородину Кутузов требовал от генерал-провиантмейстера Н.О. Лабы ускорить присылку транспорта с продовольствием к Можайску.

При отступлении русские войска несли большие потери в людях и конском составе. Материальные средства, которые не смогли вывезти, уничтожались, часть из них доставалась противнику. «Арьергард под командою генерал-майора князя Шаховского... был сильно преследуем неприятелем... переправясь через Вилию... сжег за собою зеленый мост и запасные магазины. Арсенал города Вильны, наполненный воинским вооружением всякого рода, был также предан огню»[6]. Это привело к тому, что восточнее Смоленска войска снабжались продовольствием за счет налога с населения в основном «под квитанцию». Каждый житель обязан был сдавать определенное количество круп, сухарей и овса. Все это собиралось и подвозилось к армии на подводах местного населения.

Вывоз раненых и больных вглубь страны, как правило, не производился. Часть раненых оставалась в населенных пунктах «на попечении местных жителей».

Бородинское поле было занято отходящими русскими войсками за 3–4 дня до начала сражения. Каких-либо крупных мероприятий по материальному обеспечению соединений и воинских частей в ходе подготовки к сражению не проводилось. В этом и не было особой надобности.

К сожалению, не сохранилось подлинных документов, характеризующих подготовку военного хозяйства армии для обеспечения войск в Бородинском сражении. Известно, что воины имели при себе боеприпасы и

---

[1]. Уже первый курс, прочитанный М.Я. Мудровым в Московском университете (начал читать лекции с 1808 г.), был посвящен гигиене и болезням, обычным в действующих войсках. *(Прим. ред.)*.

[2] История питания защитника государства Российского. Т. 1. С. 140, 141.

[3] От Военного хозяйства армии и флота к тылу Вооруженных сил России XVIII–XX вв. М., 2011. С. 108

[4] Михневич Н.П. История военного искусства. М.: Эксмо 2008. С. 385.

[5] Коленкур А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 124.

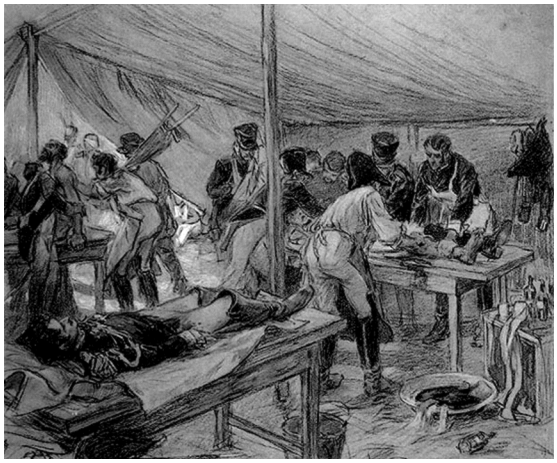
[6] Бескровный Л.Г. Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947 С. 312, 320.

продовольствия на двое суток. Обозы с малочисленными возимыми запасами материальных средств размещались на дорогах к Москве в 10–15 км от Бородино.

Что касается медицинского обеспечения, то предполагалось иметь потерь ранеными до 20 тысяч и убитыми в пределах 5 тысяч человек. Из общего числа санитарных потерь планировалось эвакуировать транспортом около 4 тысяч, а остальные легко раненые способны передвигаться до медицинских учреждений самостоятельно.

Раненые прибывают в Москву. Художник А. Апсит. 1912.

В санитарной палатке на Бородинском поле. Художник А. Апсит. 1912.

Фактические потери русской армии в ходе Бородинского сражения оказались почти в два раза больше предполагавшихся. Медицинский персонал в связи с быстрым отходом войск не смог оказать первую медицинскую помощь всем раненым в боевых порядках. Однако основная масса раненых все же была вывезена в Москву, а часть – в окрестные населенные пункты. Вынос раненых с поля боя и эвакуация их на перевязочные пункты и далее в подвижные госпитали осуществлял личный состав военной полиции, который не имел оружия и находился в резерве.

Для эвакуации лежачих раненых было привлечено до 1000 повозок местного транспорта, а также перевязочно-питательные пункты, которые были созданы по направлению к Москве через 25–30 км один от другого.

При отходе армии из Москвы по решению М.И. Кутузова были развернуты госпитали в Касимове, Елатьме и Меленьках, где было сосредоточено до 32000 раненых и больных.

Вывозом имевшихся в Москве запасов материальных средств руководил лично генерал-кригс-комиссар. Вещевое имущество было погружено на 23 баржи и 1700 обывательских подвод. Все это было направлено в Нижний Новгород. Архивные материалы свидетельствуют, что подводы и три баржи с имуществом достигли пункта назначения. Остальные баржи были задержаны вблизи Москвы шедшими впереди судами с артиллерийскими выстрелами, и, чтобы они не достались французам, по распоряжению Кутузова были сожжены и затоплены. Этот убыток был оценен в сумме 2496373 руб. 83 коп.[1]

С выходом Русской армии в район Тарутино Кутузов наравне с формированием и обучением войск большое внимание уделял обеспечению их материальными средствами, заготовкам всего необходимого для предстоящего контрнаступления. Фельдмаршал пристально следил за поступлением продовольствия и теплых вещей, контролировал производство оружия на Тульском заводе, боеприпасов на Людиновском, Дугеинском и Сукремлевском литейных заводах, пороха на Шостенском заводе.

При подготовке контрнаступления под личным контролем М.И. Кутузова были созданы необходимые запасы вооружения и боеприпасов, продовольствия и фуража, зимнего обмундирования и обуви, а сформированные подвижные склады своевременно доставляли все необходимое войскам для жизни и боя. Главнокомандующий лично обращался к губернаторам с просьбой о поставке материальных средств необходимых действующей армии.

С разных мест в Тарутино направлялись обозы с валенками, полушубками, мукой, крупой, овсом, шли гурты скота, по Оке плыли груженые баржи. Только в районе Калуги было собрано до 10 тыс. голов скота. В Твери, Трубчевске, Сосницах созданы новые базисные магазины. Для изготовления сухарей были израсходованы все запасы муки в Калуге и Трубчевске. В Тульской губернии собрано сухарей по 20 фунтов (8,2 кг) с души, что в итоге составило 200 тыс. пудов (3200 т).

Участник войны Н.Е. Митаревский в своих воспоминаниях писал: «Стоять под Тарутиным было хорошо и привольно, провизии было достаточно; отдых приятный и выгодный. Не было забот ни о квартире, ни об одежде»[2]. В одном из донесений английский представитель лорд Терконель отмечал: «...В армии большое изобилие в продовольствии»[3].

В этот период органам продовольственного снабжения полевой армии предоставлялась значительно большая, чем раньше, самостоятельность в решении всех вопросов от заготовок продфуража до нормирования пайка, что способствовало более стабильному обеспечению войск продуктами питания.

Учитывая предстоящий размах операции, русское командование сократило обозы в дивизиях, полках и со-

[1] От Военного хозяйства армии и флота к тылу Вооруженных сил России... С. 110.
[2] Митаревский Н.Е. Воспоминания о войне 1812 г., М., 1871. С. 117.
[3] Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников 1812–1815 гг., СПб., 1882. С. 197.

здало при армии 12 подвижных магазинов. Для их комплектования в Костромской, Рязанской, Курской, Орловской, Воронежской, Тверской, Тамбовской и Ярославской губерниях был произведен сбор погонщиков, лошадей и повозок. Каждая из губерний выставила 413 погонщиков, 900 лошадей и 408 повозок. В общей сложности в систему подвижных магазинов привлекалось до 5 тыс. погонщиков и 11 тыс. лошадей[1]. Начальниками создаваемых подвижных магазинов назначались офицеры из действующей армии. На них возлагалась ответственность за бесперебойную доставку войскам продовольствия и фуража. Это мероприятие значительно улучшало и облегчало работу войскового обоза.

Каждый магазин состоял из 300 подвод и 800 лошадей. При людях создавался трехсуточный запас продовольствия, в полковом обозе – семисуточный, а в подвижных магазинах – десятисуточный. Уже 30 сентября 1812 г. Кутузов доносил Государственному совету: «...продовольствие устроено таким образом, что армия не терпит ни малейшей нужды и большие к армии ведущие дороги покрыты транспортами, идущими из самых хлебородных губерний, близь коих армия расположена»[2].

Обеспечение формируемых резервов и ополчения сопровождалось серьезными затруднениями: плана формирования и обеспечения их до войны разработано не было, поэтому в некоторых местах сосредоточения войск не оказалось провиантских магазинов, в других их запасы были недостаточны для удовлетворения текущей потребности. Всего в составе резерва числилось 165 тыс. человек. Тогда «все заботы» по продовольствию были возложены на местные провиантские органы, или на «особо учрежденные провиантские комиссии и комиссионерства». Призванные на службу ополчение первые три месяца довольствовались за счет средств губерний, которые их «выставили». Для обеспечения войск следовавших на укомплектование действующей армии была создана сеть провиантских магазинов на маршрутах выдвижения.

Труднее решались вопросы вещевого обеспечения резервов. Император требовал, чтобы «все вновь формируемые войска получали обмундирование и снаряжение возможно скорее». Однако уже в начале ноября князь Лобанов-Ростовский, на которого было возложено формирование резервных батальонов, доносил Александру I о том, что мундирные и амуничные вещи поступают не регулярно. 12 ноября он писал из Арзамаса: «Два месяца, как здесь, и кроме 6800 ружей и 2000 перевязей ничего нет; провиантской комиссии и госпиталей, при умножающихся больных поныне нет. Продовольствие войск возложил я на губернаторов, и обыватели кормят оныя; временные госпитали основал я сам в Арзамасе на счет экстраординарной суммы при пособии здешнего городского общества»[3].

Контрнаступление русской армии началось в октябре 1812 г. После сражения под Малоярославцем французская армия начала отступление. В ходе преследования противника, вплоть до Смоленска, войска не испытывали особых затруднений в продовольствии. В последующем, в связи с быстрым продвижением на запад, обозы с запасами материальных средств начали отставать. Пришлось перейти к использованию местных средств путем закупок у населения и по воинским требованиям у помещиков. От войск высылались вперед и в стороны от основного направления действий нарочные с приказами, чтобы население держало в готовности в каждом доме определенное количество хлеба, сухарей, круп, овса.

25 октября 1812 г. М.И. Кутузов писал Калужскому и Тульскому губернаторам: «...хотя успех армии велик и наносимый вред неприятелю чрезмерен, но был бы и того больше чрезмерен, ежели бы затруднение в продовольствии войск не препятствовало скорейшему движению армии... Я прошу убедительно усугубить Ваше попечение и Вашу деятельность о скорейшем отправлении... запасов к армии, направляя транспорты прямейшим трактом через Юхнов к Ельне. Я не нахожу слов, коими мог бы выразить, сколь величайшая польза произойти может, ежели... пожертвованный провиант беспрерывно настигать будет армию и удовлетворять потребностям для безостановочного ее продвижения; и, напротив, не могу без величайшего прискорбия изъяснить движение армии и прекратить совершаемое преследование бегущего неприятеля»[4].

Здесь уместно привести любопытный рассказ А.И. Михайловского-Данилевского: «Когда особенно терпели недостаток в хлебе и по суткам не ели офицеры и солдаты, князь Кутузов останавливал на дороге колонны, указывал им на торжество России и необходимость последних усилий, увещевал к презрению непогод и голода. Вот образчик разговоров князя Кутузова с солдатами: подъехав к Измайловскому полку, он спросил: “Есть ли хлеб?” – “Нет, Ваша светлость”. – “А вино?” – “Нет, Ваша светлость”. – “А говядина??” – “Тоже нет”. – Приняв грозный вид, князь Кутузов сказал: “Я велю повесить провиантских чиновников. Завтра навезут нам хлеба, вина, мяса, и вы будете отдыхать”. – “Покорнейше благодарны!” – “Да вот что братцы; пока Вы станете отдыхать, злодей-то; не дожидаясь Вас уйдет”. В один голос завопили гвардейцы: “Нам ничего не надобно; без сухарей и вина пойдем его догонять”»[5].

При освобождении Вильно войска Платова и Милорадовича захватили продовольственные склады противника и восстановили свои десятидневные запасы. «По занятии г. Вильно... собрали в разных магазеинах ржи 14 тыс. четвертей, весьма значащие запасы мундиров, ружей, сабель, сум, шинелей, киверов и прочих комиссариатских вещей. В арсенале же найдено 41 пушка, множество патронов и шанцевых новых и весьма хороших инструментов... некоторые магазеины еще не успели освидетельствовать...»[6].

«В 1812 г., в пределах империи, война продолжалась только полгода, и в течение этого времени армии наши, как бы вихрем, перенеслись от западной нашей границы за Москву, на расстояние 1000 верст и потом также быстро преследовали неприятеля до той же границы»[7]. Все это время главнокомандующий внимательно

[1] От Военного хозяйства к тылу Вооруженных сил России... С. 111.
[2] Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., 1950. С. 124.
[3] От Военного хозяйства армии и флота к тылу Вооруженных сил России... С. 211.
[4] Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М.: ВАФ, 1948. С. 115.
[5] Затлер Ф.К. Указ. соч.. С. 225.
[6] Отечественная война 1812 г. (Материалы военно-ученого архива). СПб., 1911. Т. XV. С. 75–82.
[7] Затлер Ф.К. Указ. соч. С. 227.

следил за организацией быта соединений и воинских частей, в том числе решал сложные вопросы, связанные с заготовкой продовольствия и фуража. В конце 1812 г. император провел смотр действующей армии и, «найдя у людей много негодных вещей,.. приказал срочно заготовить 504000 мундиров с брюками, столько же шинелей и галстухов…» и отправить эти вещи по следующему расчету:

– в главную армию князя Голенищева-Кутузова-Смоленского – 24,0 тыс. комплектов;
– в армию адмирала Чичагова – 8,4 тыс. комплектов;
– в корпус генерала Витгенштейна – 8,9 тыс. комплектов;
– в корпус генерала от инфантерии Дохтурова – 400 комплектов;
– в отряд генерал-лейтенанта Эссена – 2,0 тыс. комплектов;
– в отряд барона Сакена – 6,7 тыс. комплектов.

Высочайше было разрешено:

– организовать закупку сукон за границей;
– панталоны, шинели и плащи для войск при отсутствии фабричного материала «строить из сукна крестьянского»[1].

Привлекались портные из гарнизонных войск, инвалиды, пленные французы, а также использовались гражданские мастеровые «через гражданских губернаторов».

16 января 1813 г. император обязал провиантский департамент обеспечивать все воинские части, размещенные в западных областях России. Однако временно главнокомандующий М.И. Кутузов принял решение передислоцировать Тверские и Новгородские запасы ближе к границе. Всего требовалось перевезти свыше 390 тыс. четвертей зерна. Стоимость этого мероприятия оценивалась в 2400000 руб.[2]. Чтобы избежать столь значительного расхода денежных средств генерал-майор Н. Лаба предложил запасы не перевозить, а хлеб заготовить на месте, о чем доложил управляющему Военным министерством князю Горчакову. Последний, однако, добился решения комитета министров, по которому заготовка была передана Петербургскому купцу Косиковскому по подрядной цене Санкт-Петербурга, которая была значительно выше цен, что предлагал Н. Лаба.

Впоследствии обвинения в злоупотреблениях были предъявлены бывшему управляющему Военным министерством генералу от инфантерии князю Горчакову и управляющему делами комитета министров, статс-секретарю и сенатору Молчанову.

После войны расследование продолжалось. Противозаконные действия в процессе заготовок продовольствия были вскрыты по контрактам с Марининым, Очкиным, Зубчаниновым. Чиновники департамента обвинялись «в послаблении и невнимательности к явной неисправности поставщиков, чрезмерной передаче им денег и в освобождении залогов, когда бы их следовало удерживать». Их вина состояла в том, что они выдавали подрядчикам вперед полную стоимость за подряд без всякой гарантии контрагента в исправном состоянии заподряда[3]. Виновными были признаны покойный генерал-провиантмейстер Лаба, временно управляющий департаментом Чайковский-Штиль, управляющий Санкт-Петербургской провиантской комиссией Приклонский и др. Все причастные к злоупотреблениям, кроме покойного Лабы, были приданы суду. Убытки казны возмещались «из имущества подрядчиков и виновных чинов»[4].

Именно финансовая сторона вопроса наиболее ярко высветила и подлинный, и мнимый патриотизм. Так, в 1912 г. А.К. Кабанова отмечала: «Наряду с высокими образцами патриотизма среди священников и монахов, мы находим письма из монастыря, где читаем: “мимо нас прошла оная злая буря... доходило и до обители не мало оскорбления и хлопот, как-то: денег вытребовано много, из братии нашей некоторых хотели ухватить и отдать, однако с Божией помощью никого не выдали”. То же разнообразие речей, взглядов, чувствований мы наблюдаем и среди купечества. С одной стороны, умилительные картины пожертвований, под красноречивым пером гр. Ростопчина производящие тем более сильное впечатление, что автор оттеняет их осудительной характеристикой дворянства, а с другой — интересное свидетельство очевидца А. Бестужева-Рюмина, которое говорит нам о корыстолюбии московских торговцев. “До воззвания к первопрестольной столице – Москве государем императором, в лавках купеческих сабля и шпага продавались по 6 р. и дешевле; пара пистолетов тульского мастерства 8 и 7 р.; ружье и карабин того же мастерства 11, 12 и 15 р., дороже не продавали; но когда прочтено было воззвание императора и учреждено ополчение противу врага, то та же самая сабля или шпага стоила уже 30 и 40 р.; пара пистолетов 35 и даже 50 р.; ружье, карабин не продавали ниже 80 р. и проч. Купцы видели, что с голыми руками отразить неприятеля нельзя и бессовестно воспользовались этим случаем для своего обогащения. Мастеровые… утроили или учетверили цену своей работы, – словом, все необходимо нужное, даже съестные припасы, высоко вздорожали”»[5].

С переходом кутузовской армией границы России увеличилась норма продовольственного снабжения. Каждому воину дополнительно полагалось: «мясная порция» – 200 г в день и «винная порция» – одна чарка (125 г). Строевым войскам эти порции выдавались 3 раза, нестроевым – 2 раза в неделю[6]. В условиях ведения войны на чужой территории исключительное значение уделялось снабжению войск продовольствием: Кутузов считал, что обеспеченность армии во время военных действий продовольствием оказывает большое влияние на ход борьбы.

В целях регулирования продовольственного снабжения армии было разработано «Положение о продовольствии», в котором устанавливался порядок отпуска воинским частям продфуража. В Положении указывалось, что войсковые части и отдельные отряды получают продовольствие из магазинов только по установленной форме требований за подписью полковых квартирмистров. Строго запрещалось брать продовольствие или фу-

[1] Военное хозяйство – Тыл Вооруженных сил России (XVIII–XX вв.). М., 2003. С. 123
[2] Столетие Военного министерства… С. 81
[3] Заподряд (устар.) – договор на поставки, на выполнение по чьему-либо заказу какой-либо работы; подряд. *(Прим. ред.).*
[4] Столетие Военного министерства... С. 93.
[5] Кабанова А.К. Ополчение 1812 г. // Отечественная война и Русское общество: В 7 т. Т. V. М., 1912. С. 44.
[6] Затлер Ф.К. Указ. соч. С. 311.

раж у местного населения. Лишь в исключительных случаях, с согласия местных властей, войскам разрешалось получать продовольствие или фураж у населения «по квитанции»[1].

На марше армия должна была снабжаться из магазинов. Вперед высылались представители квартирмейстерской части с извещением магазинов о числе войск и времени их прибытия с тем, чтобы заранее были заготовлены необходимые продовольствие и фураж. В период боевых действий войска, как правило, снабжались за счет подвозимых запасов. Подвоз продовольствия из России составлял незначительный удельный вес в общем снабжении войск. На территории Пруссии и Австрии продукты питания и фураж поставляли органы местной власти за определенную плату по заранее заключенным конвенциям. При использовании местных средств во Франции, где русская армия могла пользоваться правом завоевателя, она не прибегала к грабежу, как это делала в России наполеоновская армия. Русская армия ограничилась незначительным реквизициям при участии органов местной власти. Были моменты, когда ни реквизицией, ни покупками не удавалось пополнить запасы продовольствия на месте. В этих случаях решался вопрос путем расходования армейских запасов.

Опыт войны показал, что создание материальных резервов для ведения войны, правильное их размещение, своевременное приближение к действующей армии нельзя поручать только органам полевого управления. Основную заботу об этом должны проявить центральные органы снабжения, освобождая полевое командование.

С вступлением союзных войск на территорию Франции прусский генерал-интендант разработал план довольствия союзных войск почти исключительно с помощью реквизиций: но выполнению этого плана воспротивился Император Александр I, который «по великодушию своему» пожелал пощадить французов.

Князь Николай Иванович Салтыков (1736–1816)

При возвращении из-за границы на Родину войска испытывали трудности по причине «запутанности по провиантской части». Они «не находили на месте потребного им количества провианта и фуража или несвоевременно получали следуемые им на довольствие деньги»[2]. Провиантские учреждения считали за войсками излишки, а полки предъявляли претензии и жалобы на неполученные ими причитающиеся «по закону» продукты питания. В провиантском департаменте не велся учет поступления денежных средств от казенных палат, выделяемых правительством на питание войск. Главной причиной отсутствия денежного учета и отчетности, как выяснилось в ходе разбирательства, недостаточность специалистов. За период с 1811 по 1816 гг. продовольственный департамент не представлял установленной отчетности. После того, как генерал-фельдмаршал Барклай де Толли доложил Императору «о крайнем расстройстве провиантского департамента»[3], последовал рескрипт на имя председателя Государственного совета генерал-фельдмаршала Салтыкова: «Князь Николай Иванович!… до какого расстройства доведен провиантский департамент от несвоевременного отпуска денег на продовольствие армии… по той и другой части крайний существует у нас беспорядок, и от того храбрая армия, возвратясь в отечественные пределы, должна переносить такие нужды… нельзя теперь решиться на то, чтобы продовольствие полков предоставить собственному их попечению… Подтвердите также управляющему Военным министерством, чтобы он, под личную ответственность, ускорил расчет с полками и удовлетворил справедливые претензии их; ибо полки, употребив экономические деньги на продовольствие в России, лишены ныне средств содержать себя в должном устройстве»[4].

В какое положение был поставлен провиантский департамент в ходе войны, можно видеть из следующих данных.

Таблица 2

Выделение денежных средств провиантскому департаменту в 1813–1815 гг. (в руб.)[5]

	1813 г.	1814 г.	1815 г.
Заявки Провиантского департамента:			
ассигнациями	116293396	201884728	119055399
серебром	614348	903472	554325
При утверждении сметы сокращено:			
ассигнациями	45635200	93342250	61154093
серебром	–	294123	554325

Общее состояние продовольственного обеспечения войск в ходе Отечественной войны 1812–1814 гг. императором было признано неудовлетворительным.

По возвращении армии из-за границы были приняты меры к «возможно точному расчету с полками за обмундирование с целью сохранения интересов как казны, так и войск». Тогда дежурный генерал – адъютант Закревский предлагал императору «выдать командирам частей по 8 или 10 тыс. рублей ассигнациями, которых для них весьма достаточно будет», чтобы привести обмундирование, снаряжение и обувь в «исправное состояние»[6].

В ходе войны деятельность комиссариатского департамента облегчалась содействием гражданской администрации и пожертвованиями со стороны всех сословий государства, которые послужили единственным ис-

[1] Там же. С. 293.
[2] Столетие Военного министерства… С. 116.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 435.
[6] Там же. С. 134.

точником для одежды ратников. Так, теплая одежда: полушубки, валенки, сапоги и лапти были поставлены исключительно населением. В то же время случались и прецеденты, подобные тому, что описывал граф Ростопчин в своем письме к императору: «Тайный советник Демидов и камергер князь Гагарин просили дозволить каждому из них обмундировать полк; однако они об этом и не позаботились. Первый из них пробыл некоторое время в армии, где его поведение было весьма подозрительно. Второй отправился из Можайска в Нижний Новгород, откуда он воротился сюда. Демидов имеет 300 тысяч годового дохода, Гагарин столько же, но они и не думают выполнить обязательство, принятое ими на себя добровольно...»[1]

Возвратившись из Парижа, император Александр I 12 декабря 1815 г. издал новое «Положение об управлении военного департамента». В высочайшем указе говорилось: «Трехлетний опыт благополучно оконченной войны, в продолжении коей лично присутствовал Я при войсках, явил ощутительную пользу изданного в 1812 г. Учреждения для управления большой действующей армии. Находя необходимым сохранить тот же порядок и в мирное время по управлению всем вообще военным департаментом, принял Я за полезное дать оному новое устройство, примененное в главных основаниях к упомянутому учреждению»[2].

Положение 1815 г. коснулось лишь организации «высшей власти в Военном министерстве». Во главе военно-сухопутных сил был поставлен начальник главного штаба, который являлся единым докладчиком императору «по всем делам, поступавшим на Высочайшее воззрение». За Военным министром, подчиненным начальнику главного штаба, было оставлено только «заведывание хозяйственной частью».

В тот же день последовал именной указ Сенату «О правилах, по коим должны Главнокомандующие управлять в мирное время». По сути, возвращающаяся из-за границы армия сохраняла свою организацию и в мирное время. Таким образом, вооруженные силы подразделялись на две «категории»: первой категории войска, подчиненные Главнокомандующим и не вошедшие в состав армий, которые оставались в ведении внутреннего управления, а именно начальника главного штаба Его Императорского Величества.

Этим же указом предписывалось разработать «положение о продовольственном управлении», по которому продовольственное попечение войск возлагалось на Главнокомандующих и командиров.

Что касается медицинского обеспечения войск, то отмечалась высокая смертность среди раненых и больных. Так, в Орловском госпитале в декабре 1815 г. из 3500 раненых и больных умерло 598 человек; из группы госпиталей, подчиненных штаб-доктору Вицману, в ноябре месяце из 17508 человек умерло 2504[3].

После Лейпцигской битвы барон Штейн показал императору донесение знаменитого германского врача Рейля в котором он писал: «…я встретил бесконечные обозы с ранеными. Их везли на открытых телегах. Они были навалены грудами, без сапог, без всякого прикрытия, точь-в-точь как возят на убой телят мясники. За повозками тянулись страдальцы, не нашедшие себе места на них, в том числе – многие тяжело раненые, с простреленными и оторванными членами… на открытом дворе городской школы я увидел целую гору, составленную из всевозможных отбросов и голых обезображенных трупов наших воинов. Они валялись тут, как останки преступников и разбойников. Их пожирали на виду у всех вороны и собаки. Так ругаются над телами героев, павших за Отечество»[4]. В неудовлетворительном состоянии оказались госпитали «не только удаленные от надзора, но и расположенные в столице».

Предварительное снабжение войск при возвращении из Франции, затем в ходе марша во Францию, а также из Франции в Россию (1814–1815 гг.) регламентировалось специальными инструкциями. Так, в «Правках о продовольствии войск на военных дорогах при возвращении их из Франции и при следовании до Одера» говорилось, что продовольствие требуется и получается обыкновенным порядком этапов на квартирах от хозяев. Оплата стоимости питания производилась на основании соответствующей конвенции.[5]

Прямые расходы для ведения войны в 1812–1814 гг. составили 157 млн. руб. Основным расходом в войне была выплата жалованья и различных сумм офицерскому и генеральскому составу, что в общей сложности составили свыше 94 млн. руб., или 60,5% всех расходов. На продфураж и содержание госпиталей израсходовано 21,5 млн. руб., или 13,7%, на снабжение вещевым имуществом – около 8 млн. руб., или 5,1%. Содержание артиллерии составило 2,5 млн. руб.[6], или 1,6%, а расходы инженерного ведомства составили лишь 0,05% общих прямых расходов. Государство оставалось в долгу: перед провиантским департаментом – 16,3 млн. руб., перед комиссариатским – 15,5 млн. руб.[7]

За период войны общие потери русской армии (убитыми, без вести пропавшими, ранеными и больными) составили 200 тыс. человек, из них больными 90 тыс. человек[8]. Численный рост армий, быстрое увеличение количества огнестрельного оружия и его скорострельности, растущее напряжение вооруженной борьбы – все это предъявляло к службам снабжения новые, более сложные требования. В соответствии со стратегическими планами органы военного хозяйства еще в мирное время готовили запасы материальных средств, накапливали необходимое количество оружия, боеприпасов, предметов снаряжения, продовольствия. Создание запасов осуществлялось за счет работы главным образом государственных военных заводов. Некоторую часть военных заказов выполняли частные предприятия.

В ходе войны многим становилось ясно, что такая относительно малозаметная область военного дела, как военное хозяйство, обеспечивает жизненно необходимую связь между экономикой страны и ее вооруженными силами. Деятельность военного хозяйства войск действующей армии является связующим звеном между фрон-

[1] Цит. по: Кабанова А.К. Указ. соч. С. 44.
[2] ПСЗ. 1830. Т. XXIII. № 26021.
[3] Военное хозяйство –Тыл Вооруженных сил России... С. 126
[4] Чулков Г. Императоры. М., 1991. С. 122, 123.
[5] Затлер Ф.К. Указ. соч. С. 322.
[6] В эту сумму не входили расходы на производство орудий и боеприпасов, полученных от промышленности до начала войны.
[7] Столетие Военного министерства. Главное интендантское управление. СПб., 1903. С. 459.
[8] Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 85.

том и народным хозяйством страны, являясь одновременно и военным элементом в экономике страны, и элементом экономики в военных действиях[1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М.: ВАФ, 1948.
   Beskrovnyi L.G. (1948). Otechestvennaya voina 1812 g. i kontrnastuplenie Kutuzova. VAF, Moskva.
2. Бескровный Л.Г. Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947.
   Beskrovnyi L.G. (1947). Khrestomatiya po russkoi voennoi istorii. Moskva.
3. Военное хозяйство – Тыл Вооруженных сил России (XVIII–XX вв.). М., 2003.
   Voennoe khozyaistvo – Tyl Vooruzhennykh sil Rossii (XVIII–XX vv.). Moskva. 2003.
4. Военный энциклопедический словарь М., 2007.
   Voennyi entsiklopedicheskii slovar'. Moskva. 2007.
5. Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников 1812–1815 гг. СПб., 1882.
   Dubrovin N.F. (1882). Otechestvennaya voina v pis'makh sovremennikov 1812–1815 gg. Sankt-Peterburg.
6. Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., 1950.
   Zhilin P.A. (1950). Kontrnastuplenie Kutuzova v 1812 g. Moskva.
7. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973.
   Zaionchkovskii P.A. (1973). Samoderzhavie i russkaya armiya na rubezhe XIX–XX stoletii. Moskva.
8. Записки черного гусара. Воспоминания генерал-лейтенанта и кавалера князя И.А. Несвицкого об Отечественной войне 1812 г. // Красная Звезда. 2012. 11–17 января.
   Zapiski chernogo gusara. Vospominaniya general-leitenanta i kavalera knyazya I.A. Nesvitskogo ob Otechestvennoi voine 1812 g. Krasnaya Zvezda. 2012. 11–17 yanvarya.
9. Затлер Ф. Записки о продовольствии в военное время. Ч. I. СПб., 1860.
   Zatler F. (1860). Zapiski o prodovol'stvii v voennoe vremya. Ch. I. Sankt-Peterburg.
10. История питания защитника государства Российского. В 5 т. СПб., 2000. Т. 1.
    Istoriya pitaniya zashchitnika gosudarstva Rossiiskogo. V 5 t. T. 1. Sankt-Peterburg. 2000.
11. История тыла и снабжения Русской армии. Калинин, 1955.
    Istoriya tyla i snabzheniya Russkoi armii. Kalinin, 1955.
12. Кабанова А.К. Ополчение 1812 г. // Отечественная война и Русское общество: В 7 т. Т. V. М., 1912. С. 43–74.
    Kabanova A.K. (1912). Opolchenie 1812 g. In: Otechestvennaya voina i Russkoe obshchestvo. V 7 t. T. V. Moskva. Pp. 43–74.
13. Коленкур А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943.
    Kolenkur A. (1943). Memuary: Pokhod Napoleona v Rossiyu. Moskva.
14. Корнеев В.М., Михайлова Л.В. Медицинская служба в Отечественную войну 1812 г. Л., 1962.
    Korneev V.M., Mikhailova L.V. (1962). Meditsinskaya sluzhba v Otechestvennuyu voinu 1812 g. Leningrad.
15. Митаревский Н.Е. Воспоминания о войне 1812 г. М., 1871.
    Mitarevskii N.E. (1871). Vospominaniya o voine 1812 g. Moskva.
16. Михневич Н.П. История военного искусства. М.: Эксмо 2008.
    Mikhnevich N.P. (2008). Istoriya voennogo iskusstva. Eksmo, Moskva.
17. От Военного хозяйства армии и флота к тылу Вооруженных сил России XVIII–XX вв. М., 2011.
    Ot Voennogo khozyaistva armii i flota k tylu Vooruzhennykh sil Rossii XVIII–XX vv. Moskva. 2011.
18. Отечественная война 1812 г. (Материалы военно-ученого архива). Т. XV. СПб., 1911.
    Otechestvennaya voina 1812 g. (Materialy voenno-uchenogo arkhiva). T. XV. Sankt-Peterburg. 1911.
19. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). Т. XXXII. № 24975; Т. XXIII. № 26021. СПб., 1830.
    Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (PSZ). T. XXXII. N 24975; T. XXIII. N 26021. Sankt-Peterburg. 1830.
20. Редигер А.Ф. Устройство полевого управления в нашей армии // Военный сборник. 1890. № 4. С. 220–224.
    Rediger A.F. (1890). Ustroistvo polevogo upravleniya v nashei armii. Voennyi sbornik. N 4. Pp. 220–224.
21. Столетие Военного министерства. 1802–1902.Главное интендантское управление. СПб., 1903.
    Stoletie Voennogo ministerstva. 1802–1902. Glavnoe intendantskoe upravlenie. Sankt-Peterburg. 1903.
22. Чулков Г. Императоры. М., 1991.
    Chulkov G. (1991). Imperatory. Moskva.
23. Экклз Г. Роль тыла в войне. М., 1963.
    Ekklz G. (1963). Rol' tyla v voine. Moskva.

[1] Американский контр-адмирал Г. Экклз сравнил затраты на уничтожение одного неприятельского солдата в разные времена. Так, в 54 г. до н.э. каждый убитый воин противника стоил Юлию Цезарю 75 центов, в 1800 г. Наполеон расходовал примерно 3 тыс. долл. на одного убитого солдата неприятеля, в Первой мировой войне каждый убитый солдат противника стоил уже около 21 тыс. долл., а во Второй мировой – 200 тыс. долл. (Экклз Г. Роль тыла в войне. М., 1963. С. 30).